

Окончание. Начало — на стр. 1

В КОНЦЕ КОНЦОВ, послание и не могло не стать социально ориентированным после прошлогодней самоизоляции и откладывающегося на неопределённую перспективу объявления о победе над ковидом. И в этом смысле предложенный президентом пакет свидетельствует не о том, что власть первого лица, которая в России традиционно сакральна, собственноручно превращает страну в "сервисное государство". Скорее наоборот: президентские инициативы ещё больше усиливают патерналистские скрепы, ведь Путин ни словом не обмолвился о сотрудничестве с гражданским обществом. Все заявленные меры продвигаются именно как милость свыше, в лучшем случае — как поощрение тех пассионариев (волонтёров, медиков, социальных работников, учителей и прочих), которые это заслужили своим героическим трудом. Так что "хлеб" выдан в надлежащей упаковке.

В своём стремлении остановить депопуляцию Путин впервые наметнул на то, к чему уже давно призывают отдельные эксперты (причём вопреки позиции, преобладающей в общественном мнении), а именно — на поддержку рождаемости вне семьи. Судя по всему, президент имел в виду не просто поддержку детей из неполных семей и матерей-одиночек, что естественно, но фактически

Владимир КРЕСТОВСКИЙ

НЕДОСКАЗАННОСТЬ

О послании президента Путина Федеральному Собранию

дал понять: рожайте детей без заключения брака (если нет такой перспективы); равно как и угроза расторжения брака не должна влиять на ваше решение родить, пусть вас это не останавливает; главное — это появление на свет новой жизни, и государство поможет, не останется в стороне.

О том, что послы президента сводились именно к этому, свидетельствуют его нарочито акцентированные реплики, произнесённые с отрывом от заготовленного текста выступления. Так, со вздохом и взглядом на сторону он сказал об алиментах, "чувствительный для многих семей тема", о том, что их взыскание — "это проблема, к сожалению, у нас в стране", и тут же с металлом в голосе подчеркнул, что "государство обязано защитить права ребёнка". Этот вопрос не исчерпывался, и Путин предупредил: "Я позпозже ещё к этой теме вернусь". Хорошо известна его манера не подавать всё самое значимое за раз, а действовать "порциями", повышая на каждом новом заходе эмоциональный градус. Поэтому после такого обещания следовало ждать чего-то действительно нового, и через некоторое время Путин опять, как бы переключаясь в иной регистр и глядя прямо в зал, отметил сложность воспитания детей в неполных семьях. Кульминацией стала фраза: "Принимая здесь может быть огромное количество. Дело не в причинах, дело в том, чтобы детей поддержать". Третьей эмоционально насыщенной фокусировкой на той же теме стал призыв к женщинам сохранять беременность вне зависимости от их семейного положения, а к государству и, что немаловажно, к обществу — всемерно поддерживать "будущую маму".

Эти места послания являются действительно революционными. Путин, по сути, открыто признался в том, что, несмотря на приоритет семейных ценностей, закреплённых в новой редакции Конституции, спасти Россию от вымирания можно только лишь при условии отхода, причём явно массового, от приверженности этим самым ценностям — с одновременным усилением их пропаганды и как наиболее желательной для деторождения идеологии, и как гаранта сохранения естественных отношений между полами. Задача действительно сложная. В ходе её решения придётся задавать глубинные стереотипы национальной культуры, входить в явный конфликт с другими конституционно закреплёнными ценностями — конфессиональными. Но, видимо, иного — лёгкого и однозначного — способа повышения рождаемости у нас просто нет. А угрозы дальнейшего сокращения населения более чем очевидны.

Пожоже, что (пост)ковидная неопределённость обусловила и предельно взвешенную риторику Кремля в адрес бизнеса. Каждому предоставлена возможность самому решать, как себя вести: либо следовать примеру государства, которое с головой уходит в поддержку широких слоёв населения, особенно социально незащищённых, либо продолжать спасать свой бизнес всеми доступными способами. Путин ни словом не обмолвился об участии негосударственного сектора в заявленных им проектах, кроме брошенного как бы между делом: "(К)то-то выводит дивиденды, а кто-то вкладывает", — с закономерно вытекающим из этих слов выводом о том, кого будет поддерживать государство. Скорее всего, Кремль в данный момент не хочет с кем-либо делить победу над социальными последствиями пандемии, хотя если инициативчики найдутся, их, во-видимом, не оттолкнут, но и в разряд "неприкасаемых" вряд ли переведут. Но кастинг государственно ориентированного и социально ответственного бизнеса после этих слов Путина можно считать объявленным, что создаёт определённые возможности для выхода предпринимательства из злостной 1990-х — пребывания меж Сциллой преступной приватизации и Харидой государственного ржета.

Но это всё "хлеб", "хлеб"... Печальниками о "зрелищах" традиционно выступили оплощенные настроенные эксперты. Их пафос сводился к констатации: дескать, вместо политических реформ обещана неподуманная и по большей части декларативная — а оттого нереализуемая — социальная помощь значительным сегментам населения. Иными словами, перефразируя известное выражение: масло вместо демократии. С этим упреком и в адрес послания, и в отношении всего путинского курса следует разбираться подробно.

Прежде всего, надо со всей определённостью, безраздотной для таких экспертов, пояснить, что реальный запрос на демократию, то есть на возвращение в 1990-е со всеми вытекающими отсюда последствиями (поскольку никакой другой демократии у нас никогда не было), чрезвычайно мал. Нас пытаются убедить в том, что об этом мечтают все или практически все более или менее образованные горожане России. Но это не так, и наглядное

тому подтверждение — помпезно анонсированные, но в целом по стране провалившиеся протестные выступления в поддержку Навального в день послания. Даже "Белый счётчик" показывает резкое, в разы сокращение количества участников акций в регионах по сравнению с тем, что там же наблюдалось в конце января — начале февраля. Москва и Петербург в данном случае не показательны, здесь градус оппозиционности всегда был и будет выше, чем в среднем по стране. Важно другое: то, что прошлым летом происходило в Хабаровске и что действительно представляет для власти и страны в целом серьёзную угрозу, а именно — политизация недовольства на основе местной повести, раздражение в адрес федерального центра и смычка на этой основе с моделируемым в Москве же протестом — вот этого 21 апреля нигде не наблюдалось. Региональные власти пишут это себе в заслугу, но подлинная причина в другом: протест по-прежнему выдохся. Собственно, и зимой-то он по большей части подогревался вовсе не симпатиями к Навальному, а элементарным желанием поразмяться да покуражиться на фоне ковидных ограничений. И это опять-таки доказывает его абсолютно иную природу, нежели у продолжавшихся несколько недель по выходным действительно массовых и вместе с тем локально, конкретно мотивированных хабаровских шествий. В них тоже,

естественно, чувствовалась и потребность развееваться после lockdowna, но оформляющимся и структурирующим недовольство, вызванное социальными проблемами, стал удачно подхернувшийся местный поод — арест Фургала.

Хабаровская модель протеста может сработать в любом другом месте страны, и набор поводов абсолютно предсказуем: беспредел правоохранителей, поведение мигрантов, неподуманные действия федерального центра и иные хорошо знакомые и периодически возникающие проблемы. Нельзя полностью исключить того, что подобные недовольства когда-нибудь сожмутся с проектируемыми определёнными элитами на всю страну, зацепленным на большую политику, либеральным по своей природе и чётко персонифицированным недовольством, но на сегодняшний день для такого развития событий практически нет шансов. Хочется надеяться, что власть это осознаёт и последовательно разводит оба протеста подальше друг от друга.

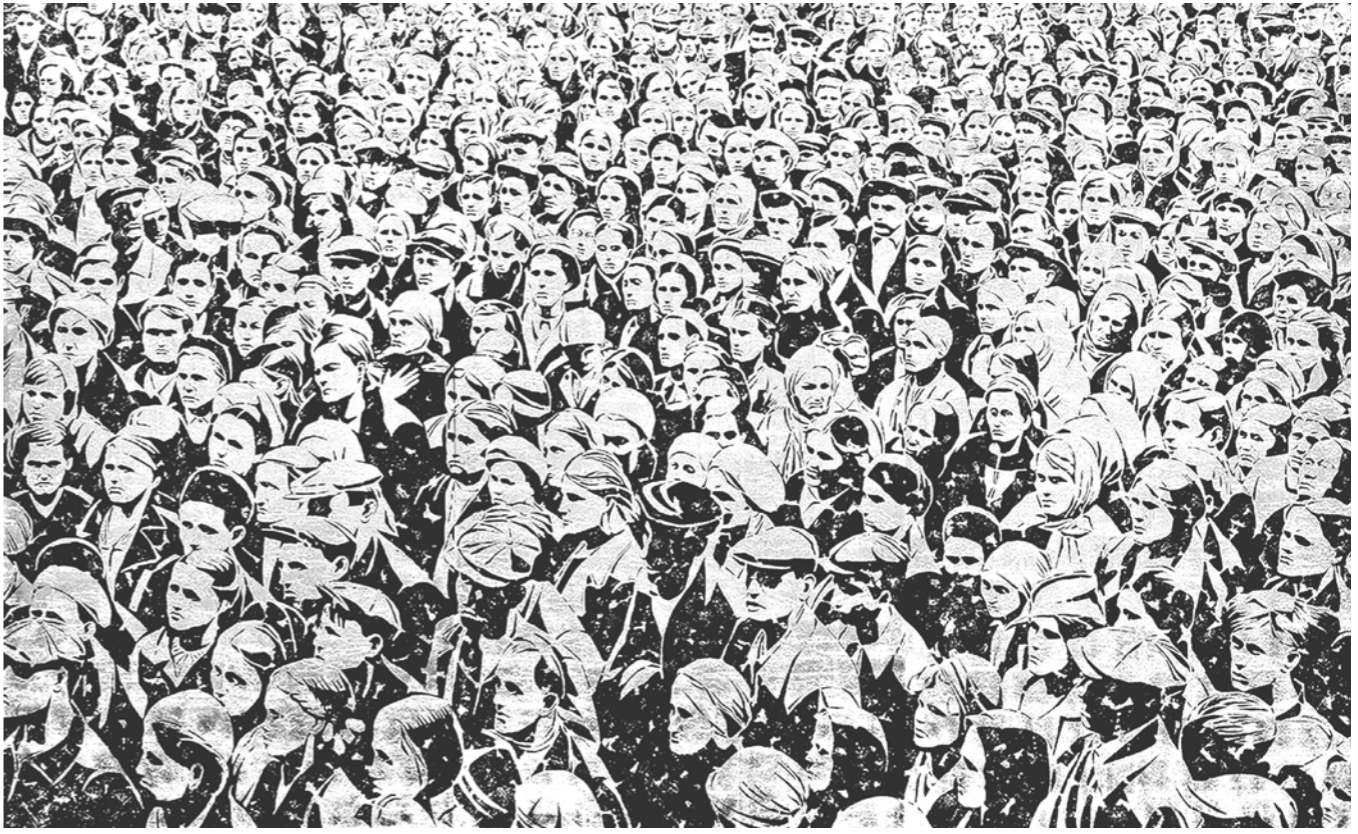
Что же касается столиц, то не стоит преувеличивать значение происходящего в них. Да, исторически все революции начинались именно здесь, но всё равно в настоящий момент нет оснований полагать, что этот сценарий способен снова сработать. Во всяком случае, пока. Хотя лодка активно раскачивается, причём подчас самым неожиданным образом. Например, за два дня до выступления Путина и, соответственно, до анонсированных акций в поддержку Навального на телемониторах московского метро активно крутили странную заставку: "Москва — лучшее место для прогулок. Если не сейчас, то когда?" Может быть, за этими фразами был скрыт и какой-то банальный рекламный смысл, но накануне символического действия, нацеленного на девальвацию президентского послания, московским властям следовало бы внимательно относиться к тому, что демонстрируется на экранах в вагонах метро, тем более что степень воздействия этого информационного ресурса на пассажиров довольно значительна.

Не обошлось в послании и без ляпов. Элементарные оговорки типа "надо восстановить эту несправедливость" не в счёт. А упоминание Варшавского договора в контексте ОДКБ, похоже, и подавно было заранее заготовленным троллингом бывших партнёров по Восточному блоку, с упоминением разоблачающих российских шпионов. Но, говоря о ляпах, хочется обратить внимание на другое. Эксперты без особого труда опознали слова Плюшкина "завели пренебрежительный обычай", с досадой сказанные голголемским персонажем о распространённой моде наносить друг другу визиты, во фразе Путина, обращённой к "некоторым странам", взявшим за правило во всём подражать России. На первый взгляд, вроде ничего предосудительного тут нет, и даже напротив: обращение к русской классике, казалось бы, усиливает иронию президента. Но если приглядеться внимательнее, то двусмысленность этого стилистического языка становится очевидной. Классик высмеивает скрепятность созданного им персонажа, раздражающегося по поводу нормальной и естественной потребности людей встречаться и навещать друг друга и называющего эту потребность "пренебрежительным обычаем". Выходит, что Путин, заговоривший языком Плюшкина, недоумен чьим-то само собой разумеющимся — "цеплянием России" со стороны коллективного Запада?

Более того, в "Мёртвых душах", чуть ниже, Плюшкин высказывает по поводу колдовства имеющихся у него крепостных: "Последние три года проклятая горячка выморила у меня здравый куш мужиков". Если вкладывать в уста Путина слова литературного героя, который, в общем-то, буднично констатирует мор своих крестьян, то на фоне ещё не побеждённого ковида получается кака-то совсем уж явная подстава президента. Понятно, что подстава непреднамеренная, но от этого не менее "пренебрежительная": спичрайтеры, похоже, просто поленились внимательно промостреть дальнейшие — после "пренебрежительного обычая" — реплики Плюшкина. Но такая оплошность — из одного ряда с "она утонула".

Есть и ещё один негативный для президента подтекст в этом цитировании "Мёртвых душ", но винить в нём кремлёвских спичрайтеров вряд ли уместно, поскольку для его улавливания требуется совсем уж основательная, выходящая за рамки школьной программ погружёность в русскую литературу. Словосочетание "скупича пренебрежительная" проговаривает в "кошмаре" Ивана Карамзова... чёрт. У Достоевского это, скорее всего, скрытая аллюзия на реплику Плюшкина. Но всё равно интересная цепочка получается: Плюшкин — чёрт — Путин.

Киплинг, конечно, "великий писатель", но все его бандар-логи, шерханы и табаксы с британской пунктуальностью разложены по полочкам, у него нет никакой новятности и двусмысленности, и единственный прочитаемый контекст его сочинений — это ве-

личие империи, над которой никогда не заходит солнце. Русская литература сродни русскому характеру: в ней сплошь двусмысленности и неоднозначности, она словно топь болотная: не на ту кошку наступишь — тут же провалишься. И те, кто отвечает за имидж президента, обязаны досконально разбираться в этих коках.

Неудачной следует назвать климатическую часть послания. Она явно не сработала, и даже более того — спустя несколько дней бумерангом ударила по Путину. Дело в том, что эта тема у нас практически не имеет внутриполитического звучания. Точнее, она присутствует — но ни в коем случае не как разговоры об изменении климата за счёт выбросов углекислого газа и парникового эффекта. Для страны, в которой после катастрофы 1990-х реиндустриализация остаётся очаговым феноменом, запугивания парниковым эффектом смешны и справедливо воспринимаются как лукавый способ не допустить создания в России новой высокотехнологичной индустрии.

Экология в целом — другое дело. Такая повестка не просто существует, но на отдельных территориях буквально вопиет. Поэтому упоминание Путинным катастроф в Норильске и Усолье-Сибирском, обещание помочь пострадавшим, как и провозглашённый им принцип: "Получил прибыль за счёт природы — уйери за собой", — это всё в тему, это востребовано и работает как пункты доктринального документа, каким является президентское послание. Но стоило ли сюда же мешать — с прицепом на предстоящий климатический саммит — "вызовы изменений климата" и рассчитанное на непонятный срок в три десятилетия поддержание в нашей стране уровня парниковых газов на более низком, нежели в Евросоюзе, уровне, создание специальной "отрасли по утилизации углеродных выбросов"? Это же совершенно не наши проблемы, несмотря на планетарную общность экологических вызовов.

Да и выступление Путина на климатическом саммите оставило не лучшее впечатление. Нет, по сути президент сказал всё правильно, отказавшись следовать в русле американского видения проблемы — во всём винить выбросы углекислого газа и настороженно относиться к атомной энергетике. Но ведь запомнилась не эта особая позиция Путина, а то, что его дважды похвалил Байден, фактически приписав российскому лидеру акцент, которых тот на самом деле не расставлял, — на приоритетное внимание ко всё тому же углекислому газу! Безусловно, России надо участвовать в обсуждении этой глобальной темы, но не смешивать её с тем, что происходит дома. А то получилось, что сомнительные похвалы Байдена задним числом замарали путинское послание, обесценив тем самым обещание самостоятельно определять "красную черту", которую Россия никому не позволит нарушать, и смазав впечатление от указа о "недружественных" государствах.

Нельзя не сказать и ещё об одном неприятном осадке от трансляции послания по основным телеканалам. Бросилось в глаза то, что собравшаяся в Манеже аудитория чётко делилась на две группы — тех, кто в масках, и тех, кто без них. В идеале всем без исключения следовало бы помучиться полтора часа, хотя бы присутствуя опосылевшее средство индивидуальной защиты ниже носа. Была бы понятна и объяснима противоположная картинка, — когда все без масок. Под это дело Путин мог бы по-отчески пополнять собравшимся, и они тут же достали бы из карманов и дамских сумочек эти символы времени и тем самым продемонстрировали телевизору идеальную управляемость российского политического класса, его абсолютную подчинённость "суверену". Но произошло самое худшее из того, что только могло случиться, — каждый сидел, как бог на душу положит. И если хотя бы без масок были только лица серьёзные и наиболее прилежные, а остальные массовка — в "намордниках", то это как-то ещё можно было понять и принять. Ну, как зримое воплощение вертикали власти: чем выше позиция, тем меньше необходимость обременять себя какими-то санитарными условностями. Но в том-то и дело, что, например, Сечин всё выступление Путина просидел в маске, а медиюно неузнаваемые депутаты и не думали мучиться. После такой картинки и впрямь закрадывается сомнение в том, что нужные и своевременные инициативы президента смогут пробиться сквозь толщу элиты, которая даже в такой мелочи норовит выказать свою самость, а первое лицо делает вид, что ничего не замечает.

К сожалению, ничего не изменилось в главной порочной практике Кремля — его предельной, зашкаливающей зависимости от рейтинговых показателей собственной популярности, а значит, неготовности и нежелания идти наперекор равнодействующей массовых запросов сначала и главным образом "хлеба", а потом уже "зрелищ", желательно на экране. Лучшее тому доказательство — распыренный официально и формально независимыми СМИ подсок процента доверяющих президенту после его социально

и миролюбиво ориентированного послания. Понятно, что полностью игнорировать такую равнодействующую, к сожалению, невозможно, пока значительная часть элиты сверяет часы с Западом, а активная часть населения сидит в не отключённом от заграницы Интернете. Но полностью ориентироваться на эту равнодействующую власть ни в коем случае не должна — если, конечно, она не рассматривает себя в качестве утилизатора ресурсов "этой страны" и намерена отстаивать её геополитическую самость.

То, что Путин не утилизатор, — бесспорно, противное утверждение только очень уж недалекие "патриоты". Но очевидно также и то, что его чекистская осторожность, привычка дуть на воду, даже не обожшись на молоке, создаёт впечатление, что он если и не утилизатор, то, во всяком случае, наивный мечтатель, полагающийся, что чем лучше — тем лучше, а не чем хуже — тем лучше, как в конклаптерях говаривали евреи и в итоге исторически оказались правы. Пути к осуществлению мечты лежит через лишения и подвижничество пассионарного меньшинства. Вместе с тем любая государственная власть и на практике, и в риторике ориентируется всё-таки не на это меньшинство, а на обывательское большинство. То есть добивается успехов с помощью пассионариев, а устойчивости обретает, опираясь на обывателей. Но в том-то и дело, что даже в последнем случае, даже с оглядкой на политическое пассивное и эгоцентричное большинство, власти необходимо демонстрировать свою приверженность ценностям меньшинства, а в нашей стране это и подавно необходимо. Хотя бы на уровне тех или иных "зрелищ". А вот этого в послании президента было неожиданно мало. Чересчур мало. Понятно, что незалогом до оглашения послания Путин, как и накануне футбольного чемпионата в 2018 году, без единой силовой акции, одной лишь проекцией силы остановил готовившееся нападение Украины на ДНР и ЛНР. Но об этом следовало сказать в послании, а не замалчивать вовсе тему, обеспечившую Путину во время его третьего срока невиданную поддержку и во многом до сих пор продвигающую работать на укрепление образа президента как гаранта национальных интересов России.

Остаётся, правда, слабая надежда на то, что послание явилось своего рода пактом Молотова — Риббентропа: чтобы более или менее спокойно протянуть ещё какое-то время до неминуемого неизбежного конфликта с коллективным Западом, поднакопить ресурсов (и при этом не дать их разворовать), в очередной раз попытаться нахулпать хотя бы какие-то группы населения, на которые в случае чего можно будет опереться, — в отличие от большинства, которое раз в год на 9 мая клянётся в том, что "может повторить", но впадает в истерику, как только начинается передислокация войск в южные или какие-либо иные регионы страны. Необходимо взять паузу. Не форсировать. Дезориентировать впечатлительных оппонентов, прежде всего внутри страны. Да и, в конце концов, прийти в себя после пандемии. А для этого — пойти на поводу ожидающей большинство, обеспечивающего нужные рейтинги. В какой-то мере повторить опыт столетней давности, когда пришлось прибегнуть к НЭПу, чтобы снять внутреннюю напряжённость и подготовиться к мобилизационному рывку в новую индустриальную реальность. То есть дожидаться нужного момента, в который только власть и сможет более явно обозначить свои стратегические намерения.

Поэтому послание вызывает противоречивые чувства. Умом понятна путинская сдержанность и умеренность, концентрация на том, что вызывает однозначный консенсус, и замалчивание вопросов, которые, обеспечивая стране необходимый градус самоуощущения, могут этот консенсус нарушить. Да, сердцем эта недоказанность воспринимается очень деструктивно. Однако такая раздвоенность — надёжный тест на патристическую зрелость. Легче всего, как делают некоторые псевдопатриоты, клеймить президента за его "нерешительность" и зависимость от "интересов" его "друзей", усматривать в его действиях голый "бизнес-подход", при котором даже враги становятся "партнёрами". Но такой взгляд далёк от подхода действительно патристического. С 1999 года и до его дня Путин не допустил ни одной фатальной ошибки, и то время как реальные достижения его правления налицо. Не так быстро всё идёт? Значит, по-другому нельзя, сверху это виднее, чем нам — снизу.

Однако никто не может отобрать у нас право интуитивно реагировать на каждый шаг власти словами "тепло" или "холодно". И доподлинное послание 2021 года — со всеми его издержками и недоговорённостями — это, если говорить о "хлебе", в целом "тепло", а вот в отношении "зрелищ" — "холодно".

Иллюстрация: «Братья и сестры». Художник Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНОВТ

23 апреля Банк России повысил ключевую ставку с 4,5% до 5%. С начала 2021 года суммарный рост ставки с учётом мартовского повышения составил 0,75%. Более того, финансовый регулятор допустил возможность повышения ставки до 6%. Последний раз такое резкое повышение ставки было в 2014 году. Основным, публично озвученным мотивом повышения ставки стал рост инфляции до 5,8% в марте. По мнению Банка России, выросшая ставка позволит упредить дальнейший рост инфляции. Однако ситуация не так проста, как кажется на первый взгляд.

КАК МИНИМУМ, повышение ключевой ставки вряд ли само по себе снизит инфляцию. Официальная продовольственная инфляция в январе достигала 8,2%. Неофициальная же инфляция, например, выражающаяся в росте среднего чека крупных торговых сетей, достигла в конце прошлого года 12,8—13,6% (по данным "Перекрёстка" и "Магнита"). По данным Росстата, за 2020 год цены на яйца, крупы, фрукты и овощи выросли на 15—20%, на подсолнечное масло — на 26%, а на сахар — на 64%. (О действиях торговых сетей, которые в первую очередь провоцируют рост цен, говорилось в январской статье "Избыточный ритейл").

Гипотетически, чтобы рост цен прекратился, необходимо либо снизить потребление наиболее дорожающих продуктов питания, либо нарастить их производство, либо умерить аппетиты крупных торговых сетей. Повышение ключевой ставки никак не повлияет на эти основные инфляционные факторы. Люди вряд ли значимо перераспределят часть денег на вклады и станут меньше есть. Производители продуктов тем более не увеличат производство из-за предстоящего повышения ставок по кредитам. Поэтому правительство может сдержать инфляцию только давлением на крупнейшие сети и производителей.

Рост цен на продукты за последний год наблюдался по всему миру, в среднем даже выше официальных российских показателей. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых наций периодически публикует Индекс продовольственных цен (Food and Agriculture Organization of the United Nations, FAO Cereal Price Index). По данным этой организации, цены на основные продукты питания в марте 2021 года были на 26,5% выше цен марта 2020 года. Основной причиной роста мировых цен стали lockdownы и трудности с сезонными рабочими, ударившие по производству продуктов, а также огромная денежная эмиссия США, Еврозоны и многих других крупных стран.

Другим внешним для России фактором стало повышение процентных ставок в США. Формаль-

Сергей АНУРЕЕВ

ДЕНЬГИ — КОМУ?

России нужна дифференцированная финансовая политика

но учётная ставка ФРС пока остаётся на низком уровне, однако доходность гособлигаций США выросла с 0,2—1,2% в апреле 2020 года до 1—2,4% в апреле текущего года. Повышение доходности объясняется желанием американского правительства успокоить инвесторов, которые тревожатся относительно перспектив формально безрисковых американских гособлигаций. На аналогичную величину и именно в марте текущего года выросли ставки доходности гособлигаций ещё в 22 крупных странах, начиная с Индии и заканчивая Турцией и Вьетнамом.

Следующим, уже внутренним фактором стала проблема сокращения (пока ещё умеренного) банковских вкладов. За год объём вкладов сократился в 9 банках из первой двадцатки и в 14 из следующей двадцатки. В Сбербанке, ВТБ и Россельхозбанке рост вкладов был только из-за специфичи ипотеки и связанных с ней счетов, переоценки валютных вкладов и начисленных процентов. Более того, по итогам I квартала 2021 года объёмы вкладов снизились на 2—4% в 16 из 20 крупнейших банков, даже в Сбербанке и ВТБ. О неизбежности сокращения вкладов газета "Завтра" писала ещё в мае прошлого года в статье "Ставки велики".

И сейчас Банк России просто опасается, что сохранение низких процентных ставок по вкладам и продолжение оттока вкладов спровоцируют банковский кризис. Банковская регуляторика настроена на допущение оттока вкладов на 10—15%. Однако, если сокращение вкладов превратится в среднесрочную тенденцию, Банку России придётся предоставлять деньги крупным банкам путём рефинансирования, выпуска облигаций или перекредитации части кредитов. Если же сильно повысить процентные ставки для возвращения вкладчиков, то посыплются многие заёмщики и затем банки, как это было в 2015—17 годах при резком росте процентных ставок. В те годы Банк России потратил на поддержку банков 6 трлн рублей, что было примерно равно расходам на высшее образование в течение 10 лет, либо всем бюджетным инвестициям в течение 6 лет.

Автор — доктор экономических наук, профессор департамента Общественных финансов Финансового университета

шоры повлияло на эти выплаты, но схемы вывода капиталов переклещивались на покупку зарубежных активов и на лжеимпорт.

В таких условиях всё же требуется нечто большее, чем просто следование за ситуацией в США и в мировой экономике в целом. Как минимум необходимо моделировать действия на случай дальнейшего сохранения повышенного роста мировых цен на продовольствие, а также процентных ставок в США и других странах. Наиболее вероятный сценарий для экономики США на начавшееся десятилетие будет основываться на ускорении инфляции по образцу 1970-х годов, на что указывают анонс роста минимальной часовой оплаты труда в США с текущих 7 до 15 долларов к 2025 году, а также усиливающиеся риторика ожидания нового суперцикла роста сырьевых цен. О возможной проинфляционной политике США газета "Завтра" писала в ноябре 2020 года в статье "США: будет ли дефолт". Если российская инфляция станет хронической и придётся повышать процентные ставки до 10—12% вследствие внешних факторов, то это точно обнулит перспективы дополнительных инвестиций и экономического роста.

Поэтому Банк России должен усилить дифференцированное регулирование процентных ставок и условий потребительского и псевдоинвестиционного кредитования. Инструментарий регулирования Банком России кредитных портфелей есть, но его надо использовать смелее и чётче увязывать с ростом внутреннего производства и строительства. Автокредиты у нас в основном направлены на импортные автомобили, а целевые потребительские кредиты — на импортную бытовую электронику, что наращивает импорт вместо внутреннего производства. Большая часть инвестиционных кредитов крупнейших банков выдаётся на перепродажу крупных пакетов акций или крупных объектов недвижимости, а не на реальные капитальные вложения и новые активы. Об этом подробно говорилось в газете "Завтра" в статье "Ставки на развитие!".

Банк России много лет регулирует кредитование физических лиц в части раскрытия реальных процентных ставок, оценки портфелей однородных кредитов (на основе типизации заёмщиков — физических лиц), требований по залогу. К этому вполне можно оперативно добавить требования по процентным ставкам и целям кредитов по нескольким градациям с позиций влияния на внутреннее производство и ограничение роста импорта. Только новых потребительских кредитов в I квартале 2021 года было предоставлено на 361 млрд руб., что на 22% больше аналогичного периода прошлого года (данные Национального бюро кредитных историй). Вклады населения сократились за I квартал примерно на 700 млрд руб. Всего же кредитов населению предоставлено на 20 трлн руб., и при относительно небольшой корректировке условий и целей их выдач можно было бы избежать повышения ключевой ставки.

Снижение объёма вкладов и отчасти рост инфляции были вызваны ростом цен на квартиры и на акции, точнее — переток денег состоятельных вкладчиков в эти активы. Квартиры в 2020 году в зависимости от города и типа дорожали на 16—22%, и аналогичный рост цен продолжился в I квартале 2021 года. Ключевую роль в разогне цен квартир сыграло снижение процентных ставок по ипотеке, которое должно было решать жилищные вопросы семей среднего класса с детьми, а фактически 90% сумм пошло на инвестиционные покупки богатыми людьми (по данным Сбербанка).

На рынок акций в 2020 году пришло дополнительно 4 миллиона россиян с вложениями суммарно 6 трлн руб., и значительная часть этих денег "ушла" из вкладов. Пузырь акций в денежном выражении оказался больше, чем бюджетный дефицит и антикризисные меры правительства 2020 года, а в 2021 году фактически конкурирует с бюджетными инвестициями. Регулирование ипотеки и рынка акций входит в обязанности Банка России, который неоднократно высказывал свою озабоченность. Только предложения по обузданию этих пузырей были осторожными, в виде простых квалификационных требований к инвесторам и сокращения льготной ипотеки в отдельных регионах.

Для купирования внешних факторов инфляции должен быть расширен инструментарий экспортных и импортных пошлин, пересмотрен возврат НДС. Дополнительные пошлины как аналог 15%-го налога на дивиденды и проценты в офшоры должны быть введены на любые выплаты в пользу нерезидентов за торговые марки, консультационные услуги и иной импорт услуг. Среди экспертов обсуждается прекращение возврата НДС по экспорту металлов и продовольствия на случай роста внешних цен. Необходимо сократить возмещение НДС по капитальным вложениям на стыке с импортом оборудования, которое может производиться в России. Пересмотр пошлин и НДС входит уже в полномочия исполнительной власти и должен утверждаться законами до наступления очередного года.

Рост ключевой ставки является лишь одним из десятков возможных решений, и её дальнейшее повышение вместо задействования более широкого кредитного и налогового инструментария приведёт к остановке начавшегося роста российской экономики. Буквально, регуляторное сокращение Банком России выдач новых потребительских кредитов на импортные автомобили и бытовую электронику, точечная донастройка процентных ставок по ипотеке, пошлин и НДС на экспорт, лжеимпорт и псевдоинвестиции способны остановить разбалансировку роста цен и роста экономики, банковских вкладов и источников финансирования инвестиций эффективнее повышения ключевой ставки.